

Однажды я уже была замужем.

И знаешь, что я поняла?

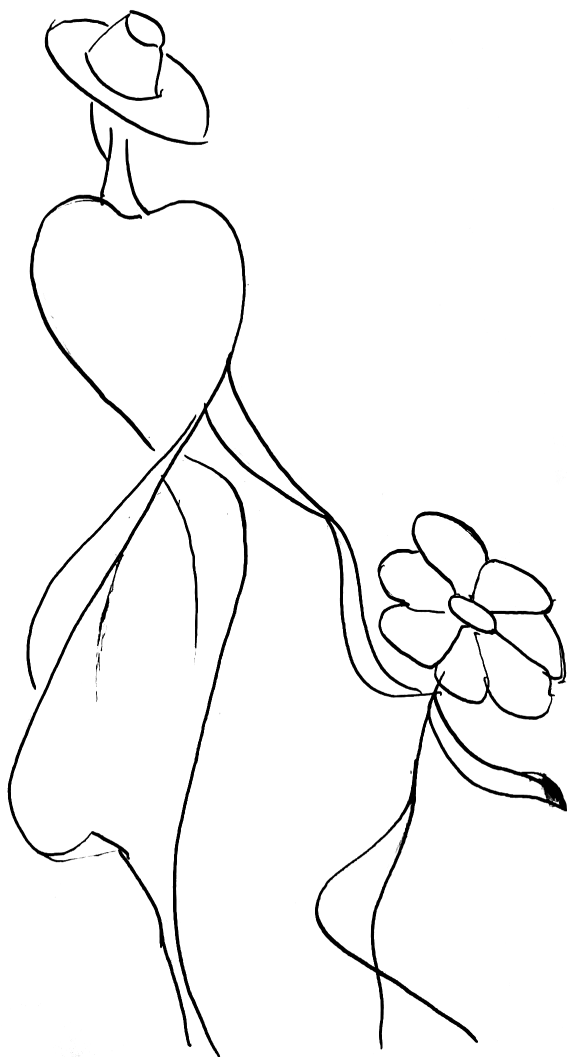
Женщине не нужен муж,

женщине нужен

мужчина.

Александра
(Под зонтом)

— Ты где была?
— Гуляла.
— Одна?

— Нет.

— А с кем?

— Вышла на улицу, смотрю дождь идет. Так и гуляли вдвоем.

— Вижу, вся мокрая. Опять зонт забыла? — встретила меня на пороге моя сокурсница Марина. Мы учились с ней на одном потоке и делили одну комнату в общежитии.

— Нет, взяла четырнадцать штук и по дороге все успела продать.

— Сашка, с твоими способностями надо было на менеджмент идти.

— Смеешься, там только мажоры учатся. Не люблю мажоров, — все еще отряхивалась я от дождя.

— На, — протянула мне Марина полотенце.

Я улыбнулась мокрой улыбкой в ответ и принялась сушить волосы.

— Мне кажется, лучше уж английским зарабатывать на частных уроках, чем так по вагонам шастать.

— Ты не понимаешь, дождь — это беспроектное дело.

— Ага, мокрое.

— Да нет, никакого риска, — рассмеялась я шутке. — База прямо рядом с вокзалом, там мне даже в рассрочку дают. Пробежалась по вагонам, раскидала зонты и людям хорошо, сухие домой придут, и я могу неделю спокойно жить и не думать на какие шишы пойти в пятницу в клуб.

— Не жалеешь ты себя.

— Жалею. Надо было больше брать. Говорил мне Вася со склада — «Погода шепчет. Бери больше!» У меня все зонты в первом же вагоне разобрали, так что до «Ораниенбаума» было даже время передохнуть.

— Хоть бы себе один оставила.

— Я и оставила, только все равно пришлось отдать.

— Вот она — жажда наживы, — рассмеялась Марина. — Чай будешь?

— Я бы сказала, благотворительность, — повесила я полотенце на батарею. — Спрашиваешь, конечно. Я еще в магаз успела забежать. Надеюсь, ты не имеешь ничего против булочек с брусникой.

— Забираю свои слова обратно. Надо было брать больше, — снова рассмеялась Марина. — Так кому ты отдала свой зонт?

* * *

База или склад, где я брала на реализацию зонты и прочую дребедень, находилась на рынке. Взяв там зонты, я медленно продиралась сквозь суету расходов и прибыли. Базар кипел одним ярким компотом овощей и фруктов. В его урожайной суете я вдруг увидел мальчика лет четырех, который понуро брел среди торговых рядов. Ручку мальчонки оттягивала огромная белая коробка из-под торта. Картонный короб бил его острыми углами по ногам и уже не радовал начинкой. Мальчик с надеждой вглядывался в полы взрослых пальто, словно мамонтенок, кото-

рый искал маму по цвету шкуры. Его щеки катали слезы. Он шел прямо ко мне. В груди у меня защемило, и даже навернулась слеза, совсем не та, что сейчас только вытер малыш со своего лица, слеза какого-то глупого сочувствия и жалости. Мне сразу захотелось усыновить его или хотя бы помочь найти мать, но та опередила меня. Она настигла сына сзади, и с разбегу дала затрещину тяжелой рукой. Шапка на голове малыша сбилась:

— Где тебя носило? Я же тебе сказала, ждать меня у двери! Я все ноги сбила, чтобы тебя найти!

Мать была взволнована, глаза ее гневно блеснули. Мамонтенок глупо улыбался, до сих пор не веря в то, что мать нашлась. Это была красивая женщина, лет тридцати пяти, в черном пальто и шляпе. Рот ее был красноречив от ярко-красной помады. Наконец она забрала у сына коробку с тортом.

— Все, пошли, на электричку из-за тебя опоздали. Теперь точно под дождь попадем, — дернула мать сына за руку и оба растворились в толпе.

В электричке люди совсем другие, менее одинокие, чем в метро. Здесь они чувствовали себя свободнее, сбросив с плеч недра земли. Тем не менее

транспорт был таким же общественным, здесь тоже пахло обществом. Пахло сырым погребом или старым шифоньером со своим изношенным гардеробом и со своими скелетами. Воздух холодных взглядов лишний раз подтверждал, что людей здесь ничего не связывало, как и в жизни, каждый пытался только найти комфортное место, чтобы доехать до своей станции. Одни входили, другие выходили. Как бы я ни хотела, но приходилось наблюдать за их лицами, за их выражением. Они настаивали. Всякий взгляд, брошенный милостыней, отзывался монетой на дне моего яблока. Люди перешептывались глазами, удостоенные разных полостей раковин вырезов, со своими взглядами и навязанными.

...Лица-ежедневники, утренние газеты, салфетки, глянец, без настроения, нечаянные, кофейные, родные, близкие, отчужденные. Лица-декорации, упаковки, фантики, лица, спрятанные в шарфы, воротнички, зонтики, шляпы, ухмылки, ресницы, усы, бороды с прожорливыми губами, сварливые, добрые, сохнувшие от нехватки любви, от работы и после нее, бледные, мертвые, беззаботные розовые лица людей-младенцев, завернутые в родитель-

скую истому. Я поняла, что в электричке чертовски мало лиц, на которые хочется любоваться.

...Вместе со взрослыми входили и серьезные детские лица, жизнь которых была средней и школьной. Лица сталкивались взглядами и кучковались с одинаковыми по богу, по прибыли, по недостаткам. Мелькали порой унылые, из которых не выбраться, лица трясины, редко-редко — прекрасные мордочки женщин с претензиями на красоту, с губами — на поцелуи. Единицы носили небесные лица: солнечные, в основном же — лунные. Среди них лица-кратеры, ушедшие глубоко в себя, дождливые лица — лужи, канавы, понурые, томные, со стекающей грустью бассетов, и просто олицетворение задниц, с большой поперечной морщиной, стекавшей от самого лба. Общество явно не выспалось, голодное, изможденное. Лица-пепельницы, прожженные не одной гражданской войной и многими бытовыми скандалами, пачки для сигарет, полные ржавых зубов, испепеляющие рубцами, шрамами, авторитетом.

Некоторых я видел только в профиль, они напоминали звенящую мелочь с носом, и одногла-

зые, полусухие, но гордые, они хронически смотрят вдаль, скрывая обратную сторону медали. Свежие лица хлеба, рыхлые, черствые в панировке бородавок-веснушек. Лица из гипса, из мрамора, асфальтовые. Смотрящие лицемерно в окна очков, мутными аметистами, изумрудами, серыми, как осеннее небо, зрачками — в них равнодушие и безразличие.

Быстро раскидав зонты, я прошла еще пару вагонов насквозь, прежде чем нашла свободное место. «Лиц много, главное, не потерять свое», — гоняла я про себя неожиданно возникшую в голове красивую строчку.

— Я вся промокла из-за тебя. Могли бы уже дома сидеть, чай пить. Надо же было родить такого идиота.

Мальчик тихонько ныл, всхлипывая, не столько от обиды, сколько от нелюбви.

— Хватит уже нюни распускать. Возьми себя в руки. Ты мужик или не мужик?

Услышала со скамейки напротив. Там сидела мама с мамонтенком. Мать все еще вымещала свое недовольство.

— Ну, что ты ведешь себя как малыш? И хватит уже ныть, голова болит. Что ты разнылся, как баба? Больше никуда с тобой не поеду!

— Ну разве можно так с детьми, пусть даже и со своими, — не выдержал старик, сидевший рядом со мной. — Вы же только подливаете масла в огонь! Ведь когда ребенку плохо, он ищет поддержки в своих родителях, а после сказанных вами слов малыш подумает, что вам все равно на его проблему и вы не хотите его выслушивать. У ребенка может развиваться психологическая травма. Ведь плакать нужно, потому что вы высвобождаете свои эмоции, а после такой неудачной фразы ребенок будет бояться плакать.

— Вы что, психолог?

— Да, психолог.

— Дети у вас есть?

— Нет.

— Сразу видно.

— Что видно?

— То, что вы ни черта не понимаете в жизни. Красивые слова, вот и все что вы умеете. Только в жизни они не работают, — стряхнула женщина

со своего пальто капли дождя, будто это и были те самые слова, которые не хотели работать, а только жить красиво на халяву. — Зато мне приходится вкалывать за двоих, — прошипела она недовольно про себя, ни взгляда не подарив своему сыну, который очень ждал, когда же мама ответит.

Старик не унимался, он решил доказать, что понимает.

— Для мужского пола насмешка женщины — это всегда травма, а насмешка от матери — самая глубокая из них.

— Вы еще и травматолог. Может, и мои травмы подлечите. Я же одна его воспитываю. Может, знаете, где этот козел, который обещал меня любить вечно?

— Мальчику без отца никак нельзя.

— Вы что, усыновить его хотите?

— Нет.

— Тогда хватит мне уже морали читать. Мой сын, как хочу, так и воспитываю. Я лучше знаю, что говорить.

— Ладно, тогда скажите, какова цель ваших слов? Вы же хотите, чтобы он вас слушался беспрекословно.

– Да какая цель? Домой доехать спокойно, без нытья, еду приготовить, накормить да спать уложить. Какая цель? Света белого не вижу, от зарплаты до зарплаты, а вы мне тут про какие-то высокие цели.

– Дело в том, что ребенку нужна уверенность в маминой любви безо всяких условий. Ну подумаешь, провинился, с кем не бывает. Неужели вы любите своего ребенка только хорошим, послушным, спокойным? Получается, что его задача ребенка – не быть самим собой, а соответствовать вашим ожиданиям. А куда прикажете девать мальчику другие свои не менее естественные проявления: капризы, слезы, недовольство? Все это уходит в неуверенность в себе, страхи и обиды, которые ребенок пронесет через всю жизнь.

– Скоро меня пронесет от вашей болтовни, ей-богу. Плевать я хотела на вашу демагогию с высокой колокольни. Достали уже все, одни учителя кругом, шагу ступить нельзя, все учат и учат. Один ноет, потому что еще не мужик, другой – потому что уже не мужик.

Эта реплика заставила меня улыбнуться. Хотя старика было жалко, но еще больше жалости вы-

зывал малыш. Снова захотелось его усыновить, обнять, успокоить.

— Лучше бы рассказали, как мне теперь до дома под таким ливнем дойти? — поняла женщина, что несколько переборщила. Старик уткнулся в окно, где в которое бесперспективно бились капли дождя. Он понял, что у них много общего: с некоторыми можно в лепешку расшибиться, но так ничего и не доказать. Через минуту встал и пошел в тамбур, к выходу.

— Хватит уже сырость разводить, — переключилась со старика на сына и снова одернула мальчика.

Мне было не по себе, я прятала глаза, разглядывая детали своего последнего зонта. Зонт был красивый, новый и очень компактный. Неожиданно для себя я взяла и протянула его малышу.

— Бери. Это тебе в подарок.

Мальчик посмотрел на меня робко, потом с восхищением на зонт, затем отправил свои глаза за разрешением к маме. Мать сделала вид, что не заметила, разглядывала посеревшую от дождя коробку с тортом, которая лежала у нее на коленях.

— Спасибо, — тихо ответил мальчик и через мгновение вертел уже зонт в своих руках.

— Здесь кнопочка, чтобы открывать, — объяснила я мальчику.

— Знаю, у бабушки такой же, — начал оживать малыш. — Мама, — тихо протянул он зонт матери. — Ты не промокнешь.

— А вы как? — оттаяла мать.

— Я живу рядом со станцией, мне недалеко, — соврала я. Встала, попрощалась и направилась к выходу.

— Леша, вставай, нам тоже выходить, — первый раз назвала по имени сына мать. — Давай шустрее. Что ты возишься?

Он хотел похвастаться матери, нажал на кнопку, зонт распахнулся и сбил шляпу с головы матери.

— Да что же это такое? Что за день сегодня такой?

Через несколько минут эту сладкую парочку рядом с автобусной остановкой. Двое под одной крышей, под одним зонтом. И в целом мире больше никого, кроме них двоих.

Ольга
(Экзамен по невинности)

От одиночества до свободы — один кофе. Митя растягивал каждый глоток, толкая себя от одного берега к другому. Он сидел в кресле с чашкой, он ждал свою любимую клиентку, Ольгу. Почему любимую, он и сам не знал. Наверное, потому что с ней он не работал, а отдыхал. Она, как всегда, пришла минуту в минуту. Ровно в 12:00, общаясь по телефону, в салон зашла стильно одетая женщина, лет 40–45, ее легкая походка вызвала небольшой трепет в зале.

— Какие планы на вечер? — зашла я в знакомый до красоты салон.

— Сначала парикмахерская, потом маникюр.

— Очень хочешь кому-то понравиться?

— Да, хочу нравиться себе. Маникюр и прическа для женщины — это признание в любви самой себе, — увидела я своего мастера, Митю, который тоже меня заметил.

Лучшее время я провела в салоне красоты. Парикмахер по обыкновению что-то болтал, пытаясь меня развеселить. Заигрывал с моими волосами там мастерски, что мне пришло в голову, что ни один человек на Земле не догадывается, какая же я жадная личность на самом деле. Это было настоящее откровение: то, что ты показываешь окружающим, это верхушка айсберга, на поверхности совсем не обязательно чувствовать. Чувства, они глубоко под водой. В данном случае воду лил Митя, мой мастер. Он действительно был мастером своего дела. Моя голова отдыхала в его руках. Как легко я доверяла свою голову, пусть даже на пару часов, чтобы привел ее в порядок, причесал не только волосы, но главное мысли.

— Чувствую, как теряю голову.

— А я себя палачом. Такие шикарные длинные волосы. Парикмахерская — это плаха.

— Как обычно?

— Планы поменялись, хочу покороче, — показала я моему любимому мастеру, Мите. Я чувствовала себя с ним спокойно, как с любимой подру-

гой. Было о чем поболтать. Ориентация не имела значения.

— У меня три брата и папа — военные. В голове у них у всех уже был план жизни — устроенной, предсказуемой и почетной. Мальчики любили фильмы про войну и оружие, они пошли в то же военное училище, что и отец. С детства они видели цель и пытались в нее попасть. Они учились стрелять и жили ритуалами. У них не было в голове всякой ерунды вроде платья, балов и сцены. Только звездочки, и то не в небе, а на погонах. Особенная романтика, не все ее могут понять.

— Так у тебя новый романтический период?

— Мне тоже надо что-то менять, решила начать с прически. Срезать всю эту ерунду, локоны праздности и пустого времяпровождения. Мытья, начесывания, завивки и любования одним и тем же. Ну ты понимаешь, о чем я говорю.

— Быть мальчиком однозначно удобнее. У них больше развлечений.

— Потому что мальчику не обязательно быть красивым, — улыбнулась я загадочно Мите.

– Да, это большое преимущество.

– Тебе виднее.

Митя был нетрадиционный, то есть я была в безопасности, то есть я могла быть откровенной, как со случайным незнакомцем. В этом кресле, как на детекторе лжи – сплошная правда. Врать не хотелось.

– А тебе?

– Я всегда знала, что не красива.

Все мои красивые подруги рано или поздно заикливались на внешности, и думали только над тем, как бы ее преувеличить и пусть ее в оборот, в смысле подороже продать. Похоже на гонку вооружений. Они были вооружены до зубов, помада, тени, блески, часто забывая, что главное их оружие – это молодость, а не светлые волосы, голубые глаза и пухлые губы, которым они должны были своим поведением. Я была лишена этого приложения. Возможно, поэтому меня не воспринимали как девочку. В какой-то момент я отключила в себе это приложение – сексуальность – и почувствовала себя очень комфортно.

* * *

— Пока не попала ко мне.

— Ты себе льстишь, Митя... и мне. Но продолжай, это так приятно — верить.

— Чистая правда.

— Думаешь, волосы врут? — улыбнулась я. — Какая-то беда, жирные на второй день уже.

— Это нервы или гормоны шалят. Пойдем, помассирую твою головушку под водой.

— Обожаю твои пальцы. Из тебя вышел бы неплохой пианист.

— Из себя, — усмехнулся Митя.

— Это тебе не грозит, ты такой спокойный. Я хочу сказать, хорошо не вышел, вдруг понравилось бы, кто бы меня тогда стриг. И вообще музыка — это такая мука.

С семи лет меня мучали сольфеджио. Мне нравилось играть на фортепьяно, но в музыкалке было все очень строго, как на войне, не дай бог нажать не на ту клавишу. Экзамены для перехода в следующий класс были сущим адом, училки, как надзиратели. Вот на что обрекли

меня мои родители. Я все могу простить родителям, кроме музыки. Они не разрешали слушать мне современную музыку. Классика и гаммы на завтрак, обед и ужин, это было настоящим насилием над подрастающей личностью. Наверное, это делалось для того, чтобы держать меня подальше от секса. Нет музыки, нет секса. Они меня так сильно оберегали, что я встречалась сразу с двумя. Один был музыкантом и любил выпить, другой спортсменом и трезвенником. И компании у них были соответственные. Что я могу сказать из этого опыта? Большинство по-настоящему интересных, энергичных и живых людей, которых я встречала, были алкоголиками. Творческие личности пьют, тут уже ничего не поделаешь, им с нами скучно, но надежда встретить родственную душу не покидает. Именно надежда заставляет их пить, а когда появляется любовь, они начинают пить любовь, пока не кончится и пока не приспичит идти за другой.

— Великая современная музыка не может рождаться без допинга.

— Если бы ты видел, сколько им приходилось для этого в себя залить. Полные баки, чтобы лететь без пересадок.

— И тебе?

— Мне — нет. От вина меня воротило, не говоря про наркотики. После строгой атмосферы моего дома мне и без того было весело. Забавно, вокруг постоянно все что-то дули, от чего-то торчали, я не переносила травы. Однажды музыкант подложил мне в стакан экстази, я целый день пролежала на кровати, глядя на свою душу, которая висела под потолком, и уговаривая ее вернуться. Это было странно, сногшибательно, умопомрачительно и познавательно. Мой жених, мы с ним собирались пожениться, он рассчитывал на другую музыку. И скоро нашел себе другую музу, более покладистую. Музыка в моей жизни сразу стихла, будто кто-то убавил звук. Тогда я поняла, что я счастливее, когда тишина. Мне нравится, как ты поглаживаешь мой мозг. Если бы ты знал, как я устала от банальностей, глупых разговоров и лживых улыбок.

— Не только ты, весь мир устал.

– Мне кажется, ты никогда не устаеть.

– Мне нельзя.

– Миру можно, а тебе нет?

– Иначе война, я прямо чувствую, как вспыхивают конфликты, то там, то тут, стоит мне только присесть, – засмеялся Митя своими крупными белыми зубами. Улыбка – оружие симпатии. – А я так люблю тишину, – высушил полотенцем мои волосы Митя. – Возвращайся на трон, красotka, – растягивал он нарочито слова, придавая им немного шарма, так что речь его шла легкой походкой, покачивая бедрами по самым недоступным уголкам моей души. – Как твои дела в театре. Когда премьера?

– Не спрашивай, скоро... и от этого страшно.

– Ты боишься? Не смей меня. Ты же никогда ничего не боялась.

– Да, кроме своего отражения, недавно взялась рассматривать свое селфи, без ретуши, без фильтров. Я увидела все свои линии жизни. Девочка не молодеет.

– Она хорошеет.

– Перестань. Хорошеет – это к лишнему весу.

— Все прекрасное нуждается в некоторой порции страха. Страх, что-то вроде специи к изысканному блюду.

— Вот и я увидела не лицо, а блюдо.

— Главное, не передозировать.

— Ты про косметику? Согласна, если хочешь быть похожей на себя, — это не лучший способ. Макияж заставляет тебя выглядеть кем-то другим. Страх, эмоции, морщины — это тоже косметика, которая выдает наш возраст, наш опыт, наше настроение.

— И какое у тебя сейчас настроение?

— Будь леди, не ешь сразу весь свой страх, оставляй на тарелке немножко врагам, запивай красиво и не пьяней, и самое важное — надевай чистое белье на всякий непредвиденный случай. Да, да, я всегда думаю об этом, боюсь, вдруг меня найдут мертвой, а у меня носок дырявый. Неудобно.

— Ого, проблема. А штаны дырявые, это нормально? — посмотрел Митя на мои дырявые джинсы.

— Раздражают?

— Напоминают вентиляцию.

— Ну так ведь лето, а еще не хочется взрослеть. Хочется побыть девочкой. Мне эти модные дыры напоминают мое детство. Детство меня подпитывает. Театр — вот во что я любила играть в детстве, это осталось любимым занятием на всю жизнь. Я всегда мечтала быть актрисой и обожала все яркое: ракушки, разноцветные стеклышки, камешки — сокровища, которые я так любила собирать. Осенью, понятное дело — листья. Это и есть истинные драгоценности, тогда они приносили больше радости, чем сегодня бриллианты, изумруды и безделушки от Тиффани.

— А почему ты отказалась от Оскара? Мир с ума сходит, чтобы получить его.

— Вот у тебя же на столике нет места для всякой ерунды, — кинула я взгляд на столик перед зеркалом, на котором развернулся парикмахерский парк. Свободного места не было. — Вот и у меня нет.

— Я бы нашел.

— Я фигурально.

— Ну, говорят, он тяжелый, ты могла бы им колоть орехи. Или отбиваться от поклонников.

— В следующий раз возьму только ради тебя.

— Ну а все-таки, почему?

— Потому что это по крайней мере смешно. Будто тебе дали игрушку за то, что ты лучше всех прочитал стишок. Тебя выделили и сказали, что это успехи призом доказательство. Мне вообще смешны люди, которые бьются за награды, за премии, чтобы выставить все эти звания, как бампер перед своим именем. Этот самый бампер, который должен защитить твоё имя от ударов судьбы. Титулов все больше, а имя все дальше, все сложнее до него добраться. Незаметно, за всеми этими приставками ты становишься все дальше, ты теряешь себя.

— Ну ты зажралась, извини за каламбур.

— Нет, еще даже не завтракала.

— Надо быть современнее, детка.

— Ты про завтрак?

— Я про премию, — пошутил Митя.

— Мне кажется, что это не современность, а конъюнктура и желание быть на виду, быть наверху, быть успешной хозяйкой своей постели.

— Постели?

— Да, как часто это бывает, постель есть, но без чувств. Желания, страсти, все гаснет, как мокрые спички, ты чиркаешь, чиркаешь, а искры нет. Потом, бац, в самом неожиданном месте — пожар.

— С этого место поподробнее, пожалуйста.

— Однажды я проходила таможенный контроль в аэропорту, ну и они решили меня досмотреть по полной. Они же уверены, что все артисты балуются дурью. А женщины на таможне нет, то ли заболела, то ли опаздывала, я тоже опаздывала на самолет и меня досматривал таможенник-мужчина. Это было очень сексуально. У меня, понятно, ничего такого в трусах не было, кроме повышенной влажности, я чувствовала себя девочкой, которой необходимо было доказать свою невинность какому-то незнакомцу. Надо признать — симпатичному.

— Экзамен по невинности.

— Да, практически первая брачная ночь среди бела дня.

— На самолет успела?

— Да, весь полет заливала пожар шампанским. Просто скопление чувств, никогда не знаешь, где прорвет.

— Ты безумная.

— А как иначе?

— В общем доказала, что невиновна.

— Сейчас как раз ставим одну безумную пьесу, и там есть такие слова: «Как там у вас дела на Земле?» — «Суетно. Вопрос счастья по-прежнему открыт. Сегодня человеку все время приходится доказывать, что он лучше, чем другой, умнее, богаче, важнее, красивее. Несчастливые люди, они не хотят понять, что настоящему счастью доказательства не нужны».

— Красиво, — посмотрел на меня в зеркало Митя, прихватив своими пальцами локон моих волос, будто доказательство того, что его действия не менее красивы, чем эти слова. Его руки работали быстро, уверенно, но в то же время мягко и плавно.

— Все это, конечно, лишь слова. Я актриса, я как дизайнер должна придать им форму и выражение, то есть эмоции. В общем, вдуть в уши зрителям, чтобы это сошло за правду.

— Ну и как, они верят?

— Да, представь. То смеются, то плачут.

— Счастливые, они могут это себе позволить хотя бы в зрительном зале, я — нет.

— Почему?

— Я не знаю. Почему нам нельзя сказать: «блядь, сука, как меня все достало». Вместо это мы улыбаемся и говорим: «у меня все отлично».

— Видимо, это и есть искусство.

— Ты же не можешь мне сказать: «Тома, как ты меня уже достала, своими капризами, своим нытьем».

— Тома, как ты меня уже достала.

— Еще тридцать минут и я положу тебя обратно, — рассмеялась я в ответ.

— Теперь ты понимаешь... что каждая история, которую я играю, все равно искусственна.

— Притворяешься?

— Точно. Просто притворяешься. У тебя есть час или два, чтобы развернуть своего персонажа. Чем больше я играю, тем больше понимаю, что в реальной жизни все вокруг тоже притворяются. Ну или почти все, более правдивые просто молчат.

— А я-то думаю, за что я так люблю немое кино?

— Вот и меня не покидает ощущение лажи вокруг. Кругом какое-то вранье, мягкое, постоянное, навязчивое, улыбчивое вранье. В этом приходится